СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ВАЛЕРИЯ КАЗАКОВА

Известный писатель и меценат — про Геродотово море, отношение к малой родине и веру в интуицию

Он, безусловно, гражданин сразу двух стран — Беларуси и России. В Беларуси родился, а вот как писатель, общественный и политический деятель состоялся именно в России. Но куда бы ни забрасывала его судьба, он ни на минуту не забывал о своей малой родине. Именно благодаря ему музей истории Могилева пополнился несколькими сотнями ценных экспонатов, в том числе единственным в Беларуси Статутом ВКЛ 1588 года. Недавно в Могилеве приняли решение присвоить Валерию Казакову звание почетного гражданина города и увековечить его имя на площади Звезд возле кинотеатра с говорящим названием — «Родина». Корреспондент «СЕ» поинтересовалась у писателя, что чувствует человек, когда его объявляют почетным гражданином?

— Когда мне это сообщили, немного испугался, — шутит он. — У меня много наград, но эта особенная. Решение принималось коллегиально, горсоветом депутатов, или, как раньше говорили, радой. Для меня это очень серьезно и ответственно. Придется как-то это звание отрабатывать. *(Улыбается.)*

— Вы и так много чего делаете. Вон сколько книг про Могилев и Беларусь написали...

— Да, книг написал достаточно. Но нужно еще чаще приезжать сюда, встречаться с людьми. Ведь кто такой Казаков для рядового могилевчанина? Я очень благодарен председателю Могилевского горисполкома Владимиру Цумареву, Могилевскому горсовету депутатов. Спасибо директору Музея истории Могилева Алексею Батюкову, который выдвинул меня на это звание. Для меня важно, что сделано это под предлогом сохранения культурного наследия и в Год малой родины. Наверное, пришло время воссоздавать разрушенное. Надо возвращать Могилеву тот вид, какой он имел на старых гравюрах. Разрушено около 90 % исторического наследия. Но люди здесь жили и до 1918 года. Независимое государство мы построили, сейчас надо восстанавливать его историю. Для этого необходимы только воля и желание. Во время Великой Отечественной войны было уничтожено много древних городов Германии, тот же Мюнхен, Нюрнберг, Дрезден... Там восстановили все. И мы должны это сделать. Если мы строим, например, новый костел, почему вначале не возродить тот, который был раньше? Тот же костел Святого Франциска Ксаверия...

— А что лично вы вкладываете в понятие малая родина? И какие воспоминания вам особенно дороги?

— Я родился в Могилеве, в железнодорожной больнице на улице Белинского. Мой отец работал железнодорожником. Потом мы некоторое время жили в Чаусском районе, в деревне Горбовичи, где протекает красивая река Реста. Родители почему-то записали, что я родился именно там. Когда мне было семь лет, вновь вернулись в Могилев. Тут я окончил школу, встретил свою первую любовь. Тот дом, где я жил, кстати, сохранился. Там, в маленькой двухкомнатной квартире, жили мои родители, я, сестра, потом к нам перебрались еще и дедушка с бабушкой. Из деревни я привез в могилевскую квартиру любимый табурет, который, как и моя бабка, называл услоником. Сохранил на память самотканое бабушкино покрывало, иконы, возле которых молилась мама. На одной их них изображена Богоматерь с лестницей: семь ступеней как символ семи небес. Для меня она особенно дорога еще и потому, что мне она досталась вместе с маминым венчальным венком.

Любимые места в Могилеве — это Подниколье, Полыковичи, где находится целебный источник, а еще железнодорожный вокзал, с которым связано детство. В Доме культуры железнодорожников я впервые вышел на сцену. У меня была замечательная учительница — Эсфирь Матвеевна Михайлова, заслуженная артистка РСФСР. Она играла в областном драматическом театре и вела народный театр в ДК. У меня сохранилась медаль лауреата премии Ленинского комсомола, которой меня отметили за игру в ее спектакле. Если вспомнить, то я много ролей сыграл в своем школьном детстве. Было время, когда мы показывали по три спектакля в день. Эсфирь Матвеевна, наверное, видела во мне артиста. Когда в Могилев приехала комиссия, чтобы отобрать наиболее талантливых ребят для поступления во ВГИК, я по ее совету пошел на пробы и неплохо себя показал. Но ехать поступать в Москву отказался, хотел идти в армию.

— Наверное, кто-то из предков был военным?

— Возможно. Когда-то в Чите услышал интересную историю про однофамильца. Во время первой мировой войны существовал некий Казаков, который служил помощником у атамана Семенова. Судьба забросила его на Дальний Восток. В 1946 году, когда Советы добрались до Китая, он скрылся. Обмотал себя казачьими знаменами и сбежал. Мне показывали альбом с его фото, мы действительно с ним похожи. Потом мама рассказала семейную историю, связанную с каким-то опальным казаком из Китая. Не исключено, что это был тот самый помощник атамана.

— Не жалеете, что не сразу стали писателем? В армии ведь не до романтики.

— Почему? В солдатских буднях есть своя романтика. Известный всем по своим разоблачительным книгам Дмитрий Волкогонов начинал с того, что создавал для будущих защитников Отечества учебники по этике и эстетике. Он писал, что, если табуретки стоят ровно, это эстетично, а если разбросаны — нет. А если серьезно, то военная работа тоже кое-что дает не только для тела, но и для духа. Она дисциплинирует. Писатель — это каторжанин, который часами сидит за столом, чтобы написать восемь — десять страниц. Если ты встал и пошел, то все оставил. Вернешься ты к этому еще или нет — неизвестно. Кто-то пишет по ночам, кто-то с утра, как Юрий Поляков. Он и меня на это вдохновил. Я просыпался в пять часов утра и что-то до десяти писал. Потом через какое-то время снова садился. Если есть вдохновение, внешние раздражители не отвлекают. Даже если ты сидишь в кафе. Могу еще Вагнера включить в наушниках. Под него лучше пишется.

— Вы легки на подъем. Сегодня в Могилеве, завтра в Москве. Расстояния для вас не помеха. Что вы чувствуете при таком ритме жизни?

— Мама называла меня Ветер. У меня и позывной когда-то был в армии «Ветер». Моя семья хорошо знает, что это такое. Как-то в Минске проснулись в восемь часов, а я им: «Быстренько собирайтесь, едем в Москву». И поехали. Побыли там некоторое время, походили по храмам, предложил съездить в Суздаль.

— Вы верующий человек?

— У меня никогда не было споров с моей душой. У нас и бабушки молились, и дедушки. Они, скорее всего, были униатами. В деревне, в Чаусском районе, жили католики и униаты. А я вот православный. Когда был ребенком, бабушка водила меня в Могилеве в православный храм в честь Трех Святителей. Я знал, что есть Бог, который все видит. И врать нельзя.

— И никогда никому не врали?

— Врал. *(Улыбается.)* Но по-детски. Надеялся, что Бог не увидит. А дед говорил: «Если Бог не увидит, я увижу». Сейчас я воцерковленный человек, прихожанин Валаамскога монастыря. Когда-то даже нес там послушание, работал на его восстановлении. Место очень необычное и настолько намоленное, что это физически ощущаешь. Будто какая-то сила заставляет тебя встать там на колени. У меня такой порыв был только в храме апостола Павла в Риме. А еще очень необычная церковь на границе с Арменией. Там мощная энергетика. На Могилевщине очень сакральное место — церковь в Барколабово Быховского района. На икону Барколабовской Божьей Матери нельзя смотреть как на что-то обычное. Ее взгляд в душу проникает, это одна из сильнейших белорусских икон. В Вильнюсе подобной силой обладает икона Божьей Матери Остробрамской. Я лично очень дорожу иконой, которой еще мой прапрадед владел.

— Вообще говорят, что острее всего чувствуешь связь с предками и природой, когда живешь в деревне.

— Земля предков действительно лечит душу. В Могилеве я это особенно остро ощущаю. Здесь могилы моих родителей, дедов. С дедами надо разговаривать, уважать их, учила моя бабушка. У меня есть хутор на границе Гродненской и Брестской областей в Кореличском районе. Когда увидел это место, захотел остаться. Интересное совпадение. По записям, я родился в деревне Горбовичи Чаусского района, а хутор находится в деревне Горбатовичи.

— И часто в жизни случаются такие совпадения?

— Да сколько угодно. Однажды я должен был идти на одну встречу, но мне так не хотелось этого делать, и я не пошел. А те, кто пошли, все погибли. Интуиция сильная вещь. У каждого что-то такое есть. Вот я книжку написал про черного кота, там как раз про такие вещи говорится. Следующая часть будет, возможно, еще более мистическая, третья — вообще фэнтези о древней Беларуси. Только в этом жанре можно представить, какой была наша Беларусь. Если начнешь просто говорить, что так все было, много возникнет споров. Одни будут утверждать, что это часть России, другие, что это часть Польши, третьи вспомнят о Литве, а на самом деле это была Беларусь. Одно только досконально известно, что люди, живущие в этих местах, существуют почти пять тысячелетий. И почти в каждой второй европейской нации есть ген белоруса. Что такое Геродотово море, никто толком не знает. И об этом мало говорят. Мне хочется узнать эту тайну.

— Если попросить совета у Валерия Казакова, каким он будет?

— Пусть все люди, которые чувствуют себя белорусами, будут достойными этого великого племени. Не нужно быть богатым, чтобы внести лепту в сохранение нашего общего наследия. Это нужно сделать ради наших потомков. Если каждый из нас найдет свою малую родину, будет у нас и большая. И у государства будет большое будущее. Обратил внимание, что у меня все больше становится соседей по хутору. Там пилят, тут стругают — жизнь бьет ключом. Что-то просыпается у людей внутри.

Нелли ЗИГУЛЯ.